

АБУЗАР БАГИРОВ

МУХАММЕД ФИЗУЛИ И КАНОНИЧЕСКИЙ ЖАНР ГАЗЕЛИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Актуальность темы исследования обусловлена огромной ролью Мухаммеда Физули (1494-1556) в развитии в тюркоязычной лирической поэзии Ближнего и Среднего Востока любовно-лирического жанра «газель», определением его заслуг в расцвете этого восточного канонического жанра в азербайджанской литературе, а также неоспоримого и недостижимого авторитета, заслуженного великим поэтом своим творчеством, вознесшим его на поэтический олимп. Прослеживается тесная взаимосвязь его лирических газелей с поэзией предшественников и несомненное влияние на творчество поэтов, живших и творивших после него.

Основные причины популярности газели в азербайджанской поэзии связаны с этногенезом этого лирического жанра. Известно, что классическая азербайджанская любовная лирика уходит корнями в арабскую и персидскую поэзию. Газель первоначально – до VII века – являлась составной частью большеформатных касыд и, как писал И.Ю. Крачковский, со временем отделившись, сформировалась как самостоятельный поэтический жанр. Этот процесс завершился в IX-X вв. в арабской литературе, затем в X–XII вв. – в персидской и уже в XIII–XVI вв. в азербайджанской поэзии. Газель, как лирический поэтический жанр, исследовалась такими известными востоковедами, как российские академики И.Ю. Крачковский (1883-1951), Е.Э. Бертельс (1890-1957), А.Б. Куделин (1944); азербайджанские академики Г.М. Араслы (1902-1983), А.Дж. Рустамова (1932-2006); таджикские академики А.М. Мирзоев (1908-1976), И.С. Брагинский (1905-1989); турецкий литературовед А.О. Кабаклы (1924-2001); российский профессор М.Л. Рейснер (1954) и др.

Мы проанализируем вкратце творчество поэтов-предшественников Физули, создававших лирические газели на азербайджанско-тюркском¹ языке тюрков-азери: Иззаддин Гасаноглу (1272-1348), Гази Ахмед Бурханеддин (1344-1398), Имадеддин Насими (1369-1417), Мирза Джаханшах Хагиги (1405-1467), Нематулла Дилмагани Кишвери (1445-1525), Хабиби (1470-1545) и Шах Исмаил Хатаи (1487-1524); рассмотрим роль Мухаммеда Физули в создании поэтической школы и его влияние на последующих поэтов, в первую очередь на поэтов, создавших высокие образцы газелей в азербайджанской литературе; выявим основные причины популярности газели в ближневосточной, в частности, в азербайджанской поэзии; укажем оригинальные литературные приёмы непревзойдённого мастера лирических газелей; уделим пристальное внимание художественно-литературному языку его произведений.

Для осмысления поэтической вершины, достигнутой Мухаммедом Физули в своих лирических газелях, в статье приняты разные методы исследования: герменевтический, теоретико-литературный и сравнительно-аналитический.

Газель является одной из самых распространённых малых лирических жанров Ближней и Средневосточной классической поэзии. Слово «газель» (غازغ) в переводе с арабского означает «лирическое стихотворение, ухаживание за женщиной, любезное обхождение с женщиной, флирт».

¹ В 1936 году советским правительством по политическим мотивам тюрки Азербайджана были переименованы в «азербайджанцев», (по стране проживания) а тюркский язык – в «азербайджанский». Далее мы будем использовать термин «азербайджанский» – Ред.)

Турецкий литературовед, Ахмет Кабаклы, автор фундаментального пятитомного труда «Турецкая литература» даёт чёткие параметры, использованных форм газелей в тюркских литературах: «Газели состоят из 5-12, а иногда из 15 бейтов (*двустиише* – **А.Б.**). Рифмуются: аа, ба, ва, га и т.д. В этой форме больше всего разработаны любовные, природные и общечеловеческие тематики. Первый бейт газели называется «матла» («рождение, введение»), последний – «макта» («заключение, конец»), основной бейт – «бейтуль-газель» («дом газели, главный бейт»). В последнем двустииши обычно упоминается имя автора – «тахаллус». Газели исполняются чаще всего под аккомпанемент струнного музыкального инструмента: уда (лютня), тамбура, гопуза, саза, тара, кяманчи и др., или в сопровождении нескольких одновременно».

Поэты – создатели газелей в предфизулийский период сыграли важную роль в формировании этого жанра на азербайджанском языке. Первые образцы газелей в азербайджанской поэзии на родном языке относятся к XIII веку: три газели на азербайджанском языке поэта **Иззаддина Гасаноглу** и одна газель в повествовательном тексте анонимной поэмы «Дастан-Ахмед харам» («Поэма Ахмеда-разбойника») XIII века.

К сожалению, из богатого поэтического наследия суфия и мыслителя Иззаддина Гасаноглу до нас дошли только две газели на персидском и три на азербайджанском языках, которые и считаются первыми образцами газелей в истории азербайджанской литературы и отражают высокое художественное мастерство автора.

Наряду с использованием традиционных образов и фигур арабско-персидской лирической поэзии, многие выразительные средства, используемые им, свежи и новы, именно они придают его газелям особую прелесть, изящную интонационно-словесную гармонию. Эти газели, украшенные завуалированными символами, являются одними из блестящих образцов классической азербайджанской лирической поэзии. Приведём одну из газелей поэта в художественном переводе Павла Антокольского (1896-1978):

*Ты душу выпила мою, животворящая луна.
Луна? – Краса земных невест! Красавица – вот кто она!
Мой идол! Если я умру, пускай не пенится графин.
Какая пена в нём? – Огонь. Он слаще красного вина.
От чаши, выпитой с тобой, шумит у друга в голове.
Какая чаша? – Страсть моя. Любовь – вот чем она пьяна.
Царица! Сладкой речью ты Египту бедами грозишь:
Всё обесценится, падёт на сахарный тростник цена.
Покуда амбра не сгорит, её не слышен аромат.
Какая амбра? – Горсть золы. Какой? – Что в жертву предана.
С младенчества в душе моей начертан смысл и образ твой.
Чей смысл? – Всей жизни прожитой. Чей образ? – Слившегося сна.
Гасаноглу тебе служил с той верностью, с какой умел.
Чья верность? – Бедного раба. Вот почему любовь верна!*

Гази Ахмед Бурханеддин – правитель провинции Кайсери, что ныне находится на территории Турецкой Республики, был и талантливым поэтом, который впервые в истории азербайджанской литературы создал свой «Диван» (сборник поэтических произведений). Этот «Диван», состоящий из 608 страниц, был составлен и переписан при жизни самого поэта в 1393 году, дошел до наших дней и хранится в Британском музее под номером 4126. Основную часть данного сборника занимают газели – 1500, 20 рубаи, 119 туюги, 7 муфреды – всего 17000 строк.

По определению арабиста И.Ю.Крачковского воспевание любви в газелях происходит в двух направлениях: «1. Любовь – удовольствие, счастье. 2. Любовь – горе, беда». В «Диване» Г.А.Бурханеддина соблюдено это каноническое правило составления поэтического сборника. Начальная и заключительная – газели, именно так и называются – «Любовь». Оба произведения перекликаются со стихами Низами Гянджеви, что говорит о влиянии великого автора «Пятерицы» на творчество Г.А.Бурханеддина.

Поэт-гуманист **Имадеддин Насими**, живший в конце XIV-начале XV веков, привнёс в азербайджанскую газель новое дыхание, отличающее этот жанр от подобных персидских образцов по форме, по поэтическому содержанию и стилю, по идейной направленности и отражению многослойной, глубинной философской мысли. Свой творческий путь Насими начинал как приверженец суфийских идей, позднее, с принятием хуруфизма, в его поэзии отразился синтез этих двух философских течений Насими использует мистическую символику букв для художественного раскрытия философской проблемы совершенного человека; поэт выдвигает суждения о пределах и уровнях интеллектуальных возможностей человека, о роли разума и познания божественного света, явленного в самом человеке, познания Вселенной и Создателя. Познание и самопознание – непроходящие мотивы поэзии Насими. Насими впервые в поэзии не только возвысил Человека до уровня Бога, но высказал мысль, что Бог и Человек – это единая Сущность: «Ан аль-хагг!» – «Бог – это я!», «Бог – во мне!».

*В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.
...Я – атом всех вещей, я – солнце, я – шесть сторон твоей земли,
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.
...Хотя сегодня Насими я, я хашимит и корейшит,
Я меньше, чем моя же слава, но я и в славу не вмещусь.*

Перевод Константина Симонова

Среди мастеров газели предфизулийского периода творческое наследие известного общественно-политического и государственного деятеля Азербайджана **Мирзы Джуханшаха Хагиги** (отец Джуханшаха Гара Юсиф (1359-1420) был основоположником государства Гарагоюнлу) занимает особое место, он оставил богатейшее творческое наследие. До нас дошёл его большой «Диван» на двух языках: азербайджанском и персидском. В его творчестве прослеживается влияние двух корифеев азербайджанской поэзии Хагани Ширвани (1126-1199) и Низами Гянджеви, однако Хагиги является ярким продолжателем суфийско-хуруфитских взглядов Фазлуллаха Наими (1339-1399) и Имадеддина Насими. В поэзии Хагиги часто встречаются суфийско-хуруфитские мотивы и символика, но в его интерпретации все это приобретает реалистическое наполнение и служит средством выражения восхищения и поклонения земной любви и красоте. Хагиги обращается к суфийско-хуруфитской символике не в идеологических целях, а скорее всего, как художественным фигурам и образным средствам.

В газелях Мирза Джуханшаха Хагиги тюркский язык удивляет своей простотой, точностью и лаконичностью. Незаурядный художественный дар поэта-правителя на родном языке раскрывается с особой мощью и красотой. Ёмкая, искромётная игра смысловых оттенков, блестящая огранка слов в поэтическом звучании Хагиги стала магически притягательным, доминирующим, даже эталонным образцом не только азербайджанской, но и всей тюркоязычной поэзии того времени. Газель «Шлю привет» – яркое иллюстрационное подтверждение этому:

*С кровоточащею душой, изнемогая, шлю привет.
Тебе, единственный кумир, мой ангел рая, шлю привет.
Все испытанья пережив, в разлуке стал я терпелив,
Не в силах сдерживать порыв тебе, вздыхая, шлю привет.
Той, что назвал я госпожой, с неумирающей душой,
Источник жизни прожитой, тебе, святая, шлю привет.
Весна идёт вселенной всей, не умолкает соловей.
Той, чьи ланиты розовой, чем розы мая, шлю привет.
Я – ринд, свой кубок пью до дна, я не один – пьяна она.
Дай, виночерпий, мне вина, бокал, вздымая, шлю привет.
В огне пылает Хагиги, дни нашей встречи далеки,
В мечтах, к порогу твоему он, припадая, шлёт привет.*

Художественный перевод Татьяны Стрешневой

Ещё одним мастером азербайджанской газели является **Нематулла Дилмагани Кишвери**, чей «Диван» дошёл до наших дней в сохранности. Кишвери родился в Тебризе, получил хорошее образование, наряду со светскими знаниями знал теологию, в совершенстве владел арабским, персидским языками, писал в основном на родном языке. Недолго служил при дворе правителя династии Аггоюнлу Султана Ягуба (1464-1490).

Кишвери дружил с видным поэтом и государственным деятелем Алишером Навои (1441-1501) и после ухода из султанского двора, воспользовавшись покровительством своего друга, переехал в Самарканд. Однако жил он там недолго и в 1490 году после смерти Султана Ягуба вернулся в Тебриз, где и жил до конца жизни.

Кишвери использовал основные жанры классической лирики, и в каждом случае ему удавалось проявить свои индивидуальную манеру и почерк.

Газели в его творческом наследии занимают значимое место, они наполнены душевным теплом, волнуют искренностью чувств. Поэт писал и о земной красоте, любви, и о любви божественной, духовной. Эта двойственность – двуединство реального земного чувства и мистической любви – находит отражение в содержательной ткани его стиха. В его произведениях отчётливо прослеживаются следы общественных социальных событий и личной судьбы, видны вехи и моменты его биографии, душевных привязанностей и взаимоотношений.

Одной из заслуг Кишвери как выдающегося поэта является творческое преломление художественного опыта и новаторского духа узбекского классика Алишера Навои в азербайджанской поэзии XV века. Он часто вносил в лексическую ткань чагатайско-тюркскую струю, часто обращался к тахмисам – формам своеобразно рифмованных пятистиший, которыми пользовался Навои.

Творчество выдающегося азербайджанского поэта **Хабиби** так вдохновило Мухаммеда Физули, что он написал несколько «назире» («посвящение», «подражание») на его стихи.

Хабиби происходил из бедной семьи, по счастливому случаю в молодости его заметили и пригласили служить при дворе Султана Ягуба. Он был обласкан правителем, при дворе заблистал его поэтический талант. После падения династии Аггоюнлу fortuna вновь улыбнулась ему – он удостоился милости и при дворе Сефевидов. Хатаи устами самого венценосного Шаха Исмаила был провозглашён «мелик-уш-шуарой» – «глава поэтов». Последние годы жизни провёл в Турции.

Творчество Хабиби сформировалось и развивалось в русле традиций Иззадина Гасаноглу, Гази Бурханеддина, Имадеддина Насими. В его стихах рельефно отражено суфийское миропонимание, с чертами хуруфизма. Восхваление человека и красоты, его преклонение перед этими понятиями связаны с пафосом и сутью су-

фийского мировоззрения. По существу, Хабиби, как и многие его современники, возвышает любящего и любимого человека до высот идеала, придаёт земной любви божественный ореол. В его газелях, воспевающих любовь, ощущается биение трепетного сердца, переживания чуткой и ранимой души; здесь ярко раскрывается во всём блеске божественный стиль и поэтический дар Хабиби. Образы, сравнения, параллели органичны, изящны; мысль выражается чётко, это поэт-живописец, создающий словесными красками живые картины. Не случайно позднейшие поэты написали на стихи Хабиби множество назире.

В газелях Хабиби живо ощущается душевное волнение лирического героя, восхищённого красотой, дарованной творцом человеку; в них предстаёт искусно воссозданная колоритная, многоцветная, завораживающая картина.

*Утренний зефир мечтает о твоих кудрях.
Я, как пыль, лежу покорно у тебя в ногах.
О, красавица, страдаю, стеснена душа
С той поры, как я мечтаю о твоих губах.
С той поры, как я увидел кудри и глаза,
Сердце плачет и вздыхает, в нём печаль и страх.
Кудри, брови и ресницы, родинки твои
Со стихами их Корана я сравнил в мечтах.
Стрелы всех твоих насмешек мне вонзились в грудь,
И любовью опозорен буду я в веках.
Страшный суд, землетрясение, – вот какая ты.
Увидав твой стан прекрасный, я живу в слезах.
Хабиби пленён тобою, пусть горька любовь,
Вместо слёз, алмазы блещут у него в глазах.*

Перевод Константина Симонова

Предфизулийский период газели в азербайджанской литературе завершается творчеством выдающегося полководца, государственного деятеля и талантливого поэта **Шаха Исмаила Хатаи**, который творил в разных поэтических жанрах, в том числе и фольклорных. Он – автор «Диванов» на тюркском и персидском языках, дидактико-философских произведений, нравственно-поэтического трактата «Книга наставлений», различных образцов силлабического стихосложения: гошма, варсагы, герайлы, баяты. Помимо самостоятельного «Дивана», газели поэта входят также в повествовательную структуру его эпистолярной поэмы «Дехнаме» («Десять писем») – блистательный образец лирико-эпической поэзии на тюркском языке, написанной в поэтической форме месневи (от арабского языка *مسنوی* – «сдвоенный», рифмующийся парами: аа, бб) в 1506 году.

Шах Исмаил Хатаи наряду с государственными заботами находил достаточно времени для серьёзных занятий поэзией: политическая и литературная деятельность органически дополняли друг друга. Писал стихи под поэтическим псевдонимом «Хатаи» – по-персидски «грешник». Известно, что его перу принадлежат и талантливые стихотворения на арабском языке. Но подлинную ценность поэзии Хатаи определяют, прежде всего, произведения, созданные на родном языке. Его стихи, близкие народному духу, питающиеся народным складом мышления, ещё при жизни переходили из уст в уста. Ашуги исполняли стихи Хатаи, сочиняя на них музыку, создавали поэтические сказания о достославном шахе-поэте. Популярность поэзии Исмаила Хатаи на родном языке не ограничилась только Азербайджаном, она распространилась далеко за его пределами и оказала огромное влияние на дальнейшее развитие поэзии всех тюркских народов.

Газели Хатаи на азербайджанском языке отличаются своей тонкой лиричностью, свежестью и оригинальностью эпитетов, неординарностью сюжетных повествований и неожиданностью любовных развязок. Его известная пятибейтная газель «Называю» в художественном переводе Татьяны Стрешневой – характерный образец великого поэта:

*Лик твой юною луною в восхищенье называю,
Тонкий стан твой кипарисом я в волненье называю.
Брови сравниваю с луком и со стрелами – ресницы,
Лоб – светильник, кудри – полночь, в дерзновенье называю.
По тебе я изнываю, но печаль меня врачует,
Ведь тебя своей душою в ослепленье называю.
О стройнейшая из стройных, соловей мой сладкогласый!
Цветником твои ланиты предвесенним называю.
Хатаи, ты страсть к любимой поместил в руинах сердца.
«Кто она?» – «Всего на свете драгоценней!» – называю».*

Надо особо подчеркнуть, что все азербайджанские мастера газели предфизиулийского периода, писавшие на родном языке – И.Гасаноглу, Г.А.Бурханеддин, И.Насими, М.Д.Хагиги, Н.Д.Кишвери, Хабиби, Ш.И.Хатаи и другие, однозначно находились под сильным влиянием гения азербайджанской поэзии, персоязычного азербайджанского корифея Низами Гянджеви. И сам великий Мухаммед Физули по собственному признанию, являлся «учеником Низами – самой яркой звезды азербайджанской поэзии».

Эпоха Физули в лирических газелях и причины популярности этого жанра

Как известно, средневековый литературный канон является неизменно традиционно-консервативным понятием, не подлежащим пересмотру совокупности законов, норм и правил в классических произведениях.

Многие средневековые азербайджанские поэты, смогли силой своего таланта разорвать существующие цепи незыблемых законов и создать не только свои совершенно оригинальные произведения, свободные от всяких обязательных канонических догм, но и новые поэтические школы, процветающие по сей день. Одним из таких поэтов и является Мухаммед Физули создавший свою оригинальную поэтическую школу.

В чём же причина того, что этот гениальный поэт в отличие от своих предшественников и многих последователей смог создать собственную поэтическую школу?

Конечно, в первую очередь в неповторимости поэтического таланта и широте философского мышления. Бесспорно, эти качества очень важны, но как говорится, каждый творец – сын своего времени. И в этом смысле надо рассмотреть творчество Физули в контексте с его эпохой, тех историко-философских условий, которые способствовали развитию и процветанию его поэтического таланта.

Именно эпоха диктует свои условия на характер и качество творчества великих личностей. А эпоха Физули – это один из узловых моментов Восточного, и наряду с тем азербайджанского Ренессанса, спор о наличии или отсутствия которого и по сей день продолжает оставаться камнем преткновения среди исследователей-медиевистов. Другими словами, тут важно не столько формальные особенности Ренессанса, сколько само ренессансное мышление.

В азербайджанском литературоведении много написано о Ренессансе. По этому поводу лишь выскажу своего рода полемическую мысль о том, что Ренессанс по су-

ществу измеряется не только наличием античности и развитием городов, а именно так утверждают многие западные, а также наши «советские» исследователи. Вероятно, подобное суждение является влиянием известной марксистской теории, которая утверждает, что бытие определяет сознание. Именно эти качества являются формальными сторонами Ренессанса, и они никак не должны рассматриваться доминантными атрибутами этого всемирного явления.

Средневековые талантливые мастера поэтического слова старались не повторять предшественников, а создавать свои оригинальные, совершенные произведения. Они находили новые формы и образы, жанры и размеры, поэтические фигуры и разнообразные художественные средства, неповторимые музыкальность и ритмику. Эти настоящие художники, нарушая каноны, смогли подняться к вершинам художественного слова и создать свои поэтические школы. Значит, нарушение канона являлось источником создания новых поэтических школ. Тем не менее, такие поэты никак не нарушали закон эстетического воздействия художественного слова на умы и чувства людей.

Мухаммед Физули считал, что «поэзия без науки – стена без фундамента». Ещё в эпоху Физули арабский и персидский языки доминировали в поэзии. Азербайджанские поэты, писавшие на этих языках, использовали давно утвердившиеся каноны, образы и метафоры, не утруждая себя поисками новых художественных средств выражения. Тем самым они признавали, что писать газели на азербайджанском языке весьма трудно. Но Физули смело заявлял: «Если у меня хватит сил, я облегчу эту трудность». И он стал писать больше на родном языке, блестяще справился с поставленной задачей и создал объёмный лирический «Диван» и другие совершенные поэтические произведения, которые по сей день пользуются большим успехом у многих тюркских народов. Кстати, в своём богатом творческом арсенале поэт оставил и на арабском, и на персидском языке солидные «Диваны».

Чтобы аргументировать вышесказанную мысль, обратимся непосредственно к творчеству гениального азербайджанского поэта Мухаммеда Физули, который в своём творчестве разрушая окаменевшие каноны восточной литературы, создавал свои поэтические школы и устанавливал свои правила. Но, что интересно, «каноны», которые устанавливал Физули, не являлись «каменными», и они оставляли свободу действия следующим поколениям творцов, среди которых самые талантливые тоже смогли создавать свои школы, или же «подшколы», если этот термин может считаться допустимым.

Лирику Физули характеризует, прежде всего, глубокий психологизм. В его газелях отражены душевные переживания влюблённых во всех ее проявлениях: радость, счастье, горе, нежность, упоение женской красотой, ревность, вера, надежда, отчаянье, тоска, гнев и т.д. Кажется, нет такого оттенка любовных отношений, которые не нашли бы в газелях поэта своей тончайшей, пронизательной и вдохновенной художественной разработки.

Главный герой Мухаммеда Физули – «ашиг» – влюблённый, преодолевающий многочисленные препятствия на своём жизненном пути ради соединения с «машугой» – возлюбленной. По этому поводу точное высказывание академика Мамеда Ариф Дадашзаде (1904–1975) раскрывает суть любовной лирики поэта во всей красе: «Образ этот («ашиг» – **А.Б.**) часто гиперболизирован: страсть влюблённого непомерна; его самоотверженность безгранична; его преданность возлюбленной непоколебима; его страдания сходны с пыткой. Образы любовного недуга: лихорадка, безумие, бессонница, слёзы, душевный надрыв и гибель – характерны для лирики Физули. Но во всех этих образах столько искренности, непосредственности и психологической правды, что гиперболизм нигде не кажется ходульным, риторическим. В отношении Физули к человеку и его чувству столько благородства и гуманности, что трагический колорит лирики никогда не оставляет гнетущего, безнадёжного на-

строения. Напротив, читатель облагорожен сопереживанием с поэтом, с его героем, способным так сильно любить, страдать, радоваться».

Певец любви и красоты Мухаммед Сулейман оглу Физули родился в 1494 году в городе Кербела, близ Багдада. Отец его происходил из древнего рода Баят и переселился из азербайджанского Ширвана в Ирак с большей частью своих родственников во второй половине XV века. «Мухаммед получил образование вначале в Кербеле, а затем в Багдаде. Изучил древнегреческую и восточную философские системы, прекрасно знал астрономию, логику, математику и медицину. В совершенстве владел персидским и арабским языками. Прекрасно разбирался в тюркской, османской и чагатайской литературных традициях».

Мухаммед Физули является в азербайджанской литературе мастером лирической поэзии, он прошёл долгий творческий путь, насыщенный и богатый художественными свершениями. Его перу принадлежит наряду с «Диванами» на трёх языках и большая лирико-эпическая поэма «Лейли и Меджнун», написанная на родном языке. Его аллегорические поэмы «Опиум и вино», «Спор плодов», «Семь чашек», «Тело и болезнь», «Друг сердечный», сатирическое послание «Книга жалоб», философско-дидактические трактаты «Восхождение убеждений», «Сад блаженных», «Сорок хадисов» («Сорок притч») являются совершенными образцами самых разных жанров. Он писал во всех поэтических формах своего времени: газели, касыды, кыты, мустазады, теркиббенды, терджибенды, мураббе, мухаммасы, мусаддасы и рубайи. Мухаммед Физули жил при трёх правителях: государство Агююнулу – до 1503 года, государство Сефевидов – до 1534 года, Османская Империя – до конца своей жизни – до 1556 года.

Основное произведение – собрание (куллийат – تاليفات) Физули, составленное ещё при его жизни и завершённое через несколько лет после его кончины и датированное 1572 годом, в целостности дошедшее до нас, хранится в Баку. По утверждению известного российского востоковеда Евгения Эдуардовича Бертельса «в Европе хранилась 41 рукопись произведений поэта. Но большинство этих рукописей были неполными, с дефектами и не датированными, и только девять из них были датированы и составляли научную ценность. Три из них относятся к XVI, три к XVII, одна к XVIII и две к XIX веку. Большую ценность представлял полученный в 1928 году Азиатским музеем АН СССР в Ленинграде экземпляр куллийата Физули, содержащий ряд его произведений, датированный 1589 годом, подаренный М.С.Верещагиным (инв. 1928, №1561)».

Е.Э.Бертельс дал полное описание этой рукописи и детально проанализировал обнаруженные в ней новые материалы. В начале статьи «Новая рукопись куллийата Физули» учёный особо подчеркнул изучение поэтических произведений Физули европейскими ориенталистами: «Ни один из тюркских поэтов не удостоился столь высокой оценки и европейских ориенталистов, и своих соотечественников, как Физули. Начиная от И.Хаммера-Пургшталля (*австрийский историк-востоковед Йозеф барон фон Хаммер-Пургшталь (1774-1856) – А.Б.*) и кончая М.Хартманом (*немецкий востоковед Мартин Хартманн (1851-1918) – А.Б.*) и Э.Г.Гиббом (*шотландский востоковед, автор фундаментального труда шеститомного произведения «История Османской поэзии» Элиас Джон Вилкинсон Гибб (1857-1901) – А.Б.*), все превозносили оригинальность и искренность этого великого поэта и старались как можно более образно выразить своё преклонение перед его творчеством...»

Газели Физули – жемчужины его лирики. Лирика поэта воспринимается как многоцветная художественная панорама, в которой явно выражены чувства и раздумья художника, его поиски идеальной красоты человека, совершенной и божественной гармонии души. Он видит в красоте и любви проявление высшей предвечной воли, одушевляющей всё сущее во Вселенной. Любовь и красота в их объёмном, сакральном, суфийском понимании возвышаются как первооснова жизни. Поэт верует в

бессмертие души и как бы подготавливает человека к тайне мира вечности, тайне возвращения к Богу...

Газели Физули на азербайджанском языке очень музыкальны и мелодичны. Они насыщены образностью, каждая мысль выражается через образное восприятие и раскрывает психическое и физическое состояние лирического героя, способствует тематическому единству и цельности произведения.

Чем же объясняется такая популярность газели среди творцов любовной, порой и философской лирики азербайджанской классической поэзии?

Скорее всего, лаконичностью, эмоциональностью и образностью. Как правило, газели состоят из пяти-восьми бейтов, то есть, из десяти-шестнадцати строк, и исполняются в сопровождении струнных народных инструментов. Поэтому газели легко запоминались простым народом. Газели отличаются высоким накалом эмоциональности, изобилием поэтических фигур, а также неординарными художественными приёмами, которые воссоздают неповторимую образность поэтического текста. В газелях воспевалась реально-земная любовь.

Автор фундаментального труда по истории тюркской литературы, известный турецкий исследователь Васфи Махир Коджатюрк (1907–1961) чётко сконструировал формулу любви Мухаммеда Физули, отражающуюся в его газелях: «Любовь – высший смысл человеческой жизни! Любовь – не счастливая случайность и не дар судьбы, а высшее божье послание, требующее от человека постоянного самосовершенствования и внутренней свободы. Истинная любовь, пронизанная высокими духовными ценностями, требует от любящего «живой души», готовности к поступку, тревоге и заботе о другом человеке, самоотверженности и даже самоотречения...»

В эпоху, когда распространение литературных произведений происходило исключительно путём переписывания и изучения наизусть, величина объёма таких произведений играла большую роль. Именно подразумевая эту особенность, Физули отдаёт предпочтение газели перед другими поэтическими жанрами. По собственному утверждению самого поэта «...настоящая ценность газелей заключается в их содержании, ясности и чёткости, выражаемых в них мыслей; в понимании и восприятии их всеми; чтобы все смогли их легко запоминать и воспроизводить в торжествах, меджлисах, в обыденной жизни, и они доставляли слушателям высшее наслаждение».

В XII веке такие малые поэтические жанры, как газель, начали активно распространяться среди простого народа. В научном труде «Газель в классической азербайджанской поэзии» академик Национальной Академии наук Азербайджана Азада Рустамова (1932–2006) дала исчерпывающее определение причин столь широкого распространения жанра (газели) в средневековой азербайджанской поэзии: «...Литература рвалась войти в широкую читательскую и слушательскую аудиторию. Устойчивый интерес к газели являлся одним из отголосков такой тенденции. Лаконическая форма, конкретный сюжет, тональность и ритмика, содержание общечеловеческих ценностей превращали газель в доминирующий жанр городской литературы. Газель привлекала к себе внимание разных слоёв народных масс, легко воспринималась и запоминалась наизусть; на базарах и площадях с интонацией декламировалась, на праздниках и торжествах пелась под аккомпанемент лютни, танбура, гопуза и других музыкальных инструментов. Во время пышных приёмов в особняках высокой знати также звучали газели в исполнении известных певцов своего времени».

В популярности газелей, несомненно, сыграла немаловажную роль их тематическая линия.

В своей ценной монографии «Эволюция классической газели на фарси (X-XIV вв.)» профессор Марина Львовна Рейснер дала точное определение по поводу тематики персидских газелей, которое в полной мере можно отнести и к газелям на азербайджанском языке: «Любовная лирика на фарси, продолжая традиции арабской газели, представлена в двух тематических линиях, одна из которых – описание не-

счастливой любви, другая – счастливой... Мотивы несчастной и счастливой любви нередко переплетаются в стихотворениях, выражая внутренние перипетии любовного чувства».

Действительно, тематика несчастной и счастливой любви создавала у слушателей яркое впечатление, сентиментальную ауру, запоминающуюся коллизию и способствовала популяризации таких поэтических текстов среди народа. Продолжая мысль о любовной лирике древних времён уместно вспомнить высказывание академика Е.Э.Бертельса о жанре газели: «Думается, что особенно задушевные, интимные интонации ранней суфийской лирики восходят не к сухим схоластическим трактатам суфиев, а к народной любовной песне, только в форме этой лирики и донёсшей до нас некоторые образцы древнейшей поэзии...»

Жизнеспособность и популярность газели не ограничиваются лишь вышесказанными причинами. Необходимо отметить мастерство и высокий поэтический талант авторов, колоссальный словарный запас, и тончайший эстетический вкус, глубокие знания в области классической поэзии, фольклора и фразеологии, а также других научных знаний, распространённых среди знатоков поэтического слова своего времени. Недостигаемость творчества Мухаммеда Физули обуславливается тем, что при их создании газелей, помимо поэтики, он руководствовался ещё и законами математической логики, что способствовало созданию своего рода бейтов-силлогизмов, или даже математических уравнений. Для наглядности приведём лишь один пример:

*Hüsnün olduqca füzun, eşq əhli artıq zar olur –
Hüsn nə miqdar olursa, eşq ol miqdar olur!*

*Насколько твоя красота умножается, настолько же влюблённый плачет
по тебе –
Сколь много будет твоя красота, столько же будет любовь к тебе!*

Подстрочный перевод автора статьи

Поэт здесь использует математическое уравнение как художественный приём и усиливает эмоциональное восприятие взаимосвязи, взаимодополняемости между красотой и любовью.

Часто Физули ставит риторический вопрос и отвечает на него путём сравнения несравнимых на первый взгляд природных или общественных предметов и событий. Вот как он объясняет возвышенное состояние лирического героя с помощью яркой, запоминающейся гиперболы:

*Kuhkən künd eyləmiş min tişəni bir dağilən,
Mən qoparıb salmışam min dağı bir dirnağilən.*

*Разрушитель гор притупил тысячу кирок с одной горы,
Я разрыв, свалил тысячу гор лишь одним ногтём.*

Подстрочный перевод автора статьи

В целом всё поэтическое творчество Физули изобилует сравнениями, гиперболами, поэтическими изысками, художественными фигурами, а также неожиданными «решениями» психологических проблем лирического героя.

С помощью арабского стихотворного размера аруза (аруд) Физули раскрывает во всей красе просодические свойства родного языка.

Влияние Мухаммеда Физули на последователей своей поэтической школы

В своей фундаментальной работе «Лирика Физули», обстоятельно анализируя особенности поэтической школы Мухаммеда Физули, профессор Мир Джалал (1908-1978) писал: «... как Хафиз в персидской и Навои в узбекской, также Физули в азербайджанской литературе является непревзойдённым, гениальным мастером поэзии. Ни до него, ни после него творившие азербайджанские поэты не смогли создать такие тонкие, нежные, совершенные газели как Физули».

Какова же роль Физули в дальнейшем развитии канонического жанра газели в азербайджанской литературе в течение пяти столетий? Физули признан во всём тюркском мире мастером, широко использовавшим неисчерпаемый клад родного языка. Он довел до совершенства поэтический язык своих произведений. В произведениях поэта азербайджанский язык вызывает восхищение своей прозрачной чистотой, чеканностью и смысловой ёмкостью. Этот поэтический уровень языка стал неизменным эталоном в тюркской поэзии XVI века, предопределив направление его развития.

В XVII веке центр поэзии переместился в древнюю столицу Азербайджана – город Тебриз. Два уроженца этого города **Саиб Тебризи** (1601-1676) и **Говси Тебризи** (1680-1745) стали достойными представителями поэтической школы Физули.

Саиб Тебризи был не только выдающимся поэтом, но и тонким знатоком поэзии. Составленный им хрестоматийный том под названием «Бейаз» («Белый»), включающий в себя избранные образцы творчества 800 поэтов, состоящий из 25 тысяч бейтов, до сих пор является одним из лучших средневековых первоисточников. Он писал на тюркско-азербайджанском и персидском языках, блестяще владел арабским. Дошедший до нас его «Диван» написан на персидском языке и состоит, в основном, из лирических стихов; также сюда включена историко-поэтическая хроника месневи «Гандахарнаме». В «Диване», где имеются касыды, месневи, рубаи, основное место занимают газели – ведущая форма, несущая в себе идейно-эстетический заряд его творчества. В газелях Саиб Тебризи выступает с известной суфийской философской позиции – о единой субстанции, трактует мир и человека как зеркальное отражение «Божественного экстракта». Ключевую роль в поэтике Саиба Тебризи занимает моделирование образов на основе ассоциативных восприятий с реальными событиями и объектами. Сравнения и метафоры охватывают весь поэтический сказ; определённые мысли, высказанные в первых строках бейта, иллюстрируются и раскрываются конкретными образами, примерами, ассоциирующимися с жизненными реалиями. Газель «Не осталось» построена именно по таким принципам:

*На свете от добрых деяний следов не осталось.
В осеннем саду никаких уж цветов не осталось.
В ком ясная мысль – словно молния, мир озарили
И тотчас исчезли. Уж светлых умов не осталось.
Я, словно Якуб, что вестей ожидал из Египта.
Но нету вестей, – утешения слов не осталось.
Запела бы птица, но песня горька на чужбине,
Разбито у птицы гнездо, и птенцов не осталось.
Из чёрного глаза пера слёзы чёрные льются:
Мне в жизни ничто, кроме тяжких оков, не осталось.
Был розами алыми райский цветник мой украшен,
Но ветер подул, и у роз лепестков не осталось.
Саиб, пусть утонет перо твоё в море чернильном, –
Нужна ль твоя песня, когда знатоков не осталось?*

Перевод Чингиза Гусейнова

Яркий представитель тебризской поэтической школы, последователь традиции Физули, тонкий лирик **Алиджан Говси Тебризи** был автором гражданской и любовной лирики. Его стихи отличаются проникновенностью, искренностью и минорным ладом; мотивы печали, связанные с неприятием негативных социальных противоречий времени, являются сквозной линией его поэтических исповедей и раздумий о жизни. Говси Тебризи снискал признание как мастер лирической поэзии на тюркском языке. Поэт писал в различных жанрах лирической поэзии, но предпочтительнее отдавал газели. Его любовная лирика не могла обойтись без влияния суфийских идей, в той или иной мере определяющих основное направление средневековой Восточной поэзии. В его трактовке высокое чувство – любовь, предстаёт и в земных ликах, и в сакрально-мистическом ореоле, сильно напоминающих бессмертные газели Мухаммеда Физули. Говси Тебризи виртуозно пользовался сочными красками, идиомами из народной речи; простота и живость языка его газелей – знаковая веха в истории развития азербайджанского литературного языка. Наглядным примером является газель «Слово» Говси Тебризи в переводе Павла Антокольского:

*Где друг, чтобы сказать ему слово.
Как флейта – выдох, я приму слово.
Оно звучит, правдивое, живое,
В любви пьянит, влечёт к уму слово.
Как трата драгоценных безделушек,
Бывает миг, что ни к чему слово.
Учись быть мудрым и не верь легендам,
Откроешь и во сне тюрьму слова.*

Классический период азербайджанской газели завершается творчеством Моллы Вели Видади (1709-1809) и Моллы Панаха Вагифа (1717-1797) в XVIII веке, и Хуршидбану Натаван (1832-1897) и Сеида Абульгасыма Набати (1812-1873) в XIX веке.

Также существует солидный «Диван» выдающегося представителя лирической школы Физули, талантливого поэта и педагога Сеид Азим Ширвани (1835-1888), который и в наши дни очень популярен среди исполнителей азербайджанских мугамов. Впрочем, и в творчестве его ученика, великого азербайджанского поэта-сатирика Мирзы Алекбера Сабира (1862-1911) также имеется около двадцати прекрасных газелей.

Помимо отдельных поэтов, в XIX веке в Азербайджане действовали ещё поэтические меджлисы (собрания), где в основном обсуждались газели, создаваемые в духе Физули.

Один из блестящих представителей азербайджанской классической поэзии, **Молла Вели Видади**, родившийся в 1709 году в Шамкирском уезде Азербайджана, прожил сто лет, наполненных и радостными, и горестными событиями. В совершенстве знал арабский, персидский и грузинский языки, оставил богатое поэтическое наследие: газели, касыды, мусаддасы, мухаммасы, мустазады, гошма, герайлы, баяты.

Молла Вели Видади – тонкий, проникновенный лирик, и его поэтические исповеди окрашены и лёгкой, и скорбной грустью. Такая минорная тональность сопутствует всем стихам, будь то традиционные мотивы любви, социальная тема или же поэтические сентенции. В его газелях, проникнутых печальными интонациями, заключены трогательные волнующие чувства искренности, доверительности и исповедальности. Лирические герои поэта – стойкие мученики, они с радостью принимают мучительные испытания любви, пронизанные непреходящей грустью и реальными душевными переживаниями.

В азербайджанской поэзии М.В.Видади является ярким выразителем всей гаммы грустных и печальных мотивов в своих газелях, перенятых из канонических об-

разцов газельного жанра, созданных Мухаммедом Физули. Суть известного поэтического изречения, существующего в литературном обиходе, приписываемого Физули, в полной мере характеризует главное содержание всех газелей Видади:

*Fizuli dərd əlindən dağə çıxdı,
Dedilər: bəxtəvər yaylağə çıxdı.*

*Физули из-за горя поднялся на гору,
Сказали: счастливец на эйлаг поднялся.*

Подстрочный перевод автора статьи

Выраженные грустные чувства в газели «Я» Видади в переводе Константина Симонова созвучны с минорными нотами любовной лирики Мухаммеда Физули:

*Всевышний, взор не отвращай, пускай безумен я,
Я узник сердца, от любви теперь безумен я.
Нелепы все мои дела, утратил разум я,
Но я не трус, за честь любви восстану разом я.
От жизни милой жизнь свою не отрываю я,
Я жертва глаз её и губ, и к ней взываю я.
Хоть не поклонник винных чаш и пылких сборищ я,
Зато властитель той страны, где грусть и горечь я.
Я славу мимо пропустил, её не жажду я,
Своей печалью утолить сумею жажду я.*

Социальное содержание его лирических стихотворений, выражает неприятие несправедливости, произвола и насилия, ибо на своём долгом веку ему пришлось быть свидетелем множества кровавых распрей, трагических социальных потрясений и личных утрат.

Мотив одиночества и отчуждённости красной нитью проходит через всё творчество поэта; речь идёт о душевном одиночестве, об ощущении родины как духовной «чужбины». Смутные времена для родного Азербайджана, раздробление страны на множество ханств, которые вели междоусобные войны, глубоко печалили старого поэта.

Мудрая печаль – так лаконично можно охарактеризовать лирику Видади. Бесспорно, не вся его поэзия создана в минорных нотах; поэт, переживал и светлые минуты радости, поэтому иногда и его лире не чужды мажорные тона. Подтверждением этому может служить немало превосходных поэтических строк в форме «мустазад».

Последние годы жизни поэт в стихах больше выражал свои философские размышления и суждения о мире, бытии, жизни и смерти, пришёл к окончательной мысли о несовершенстве мира, о невечности всего сущего – красоты, славы, радости, печали... Иногда Видади впадал в отчаяние, стремясь отворотиться от суетного бренного мира, где самый драгоценный жемчуг не стоит ломаного гроша. Тем не менее, духовные искания поэта никогда не прекращались, всю жизнь его занимали проблемы назначения человека на земле, бытия и небытия, жизни и смерти... Творческое наследие мастера грустной лирики, достойного последователя гениального Мухаммеда Физули и через столетия побуждает потомков искать и находить свои ответы на эти извечные вопросы.

Поэзия Видади, несомненно, вошла в ряд художественно совершенных и значимых образцов азербайджанской классической литературы. Его бессмертная блистательная поэзия, написанная на прекрасном азербайджанском языке, в

сакрально-поэтической ауре гениальных предтеч Низами и Физули, будет доставлять неповторимое наслаждение грядущим поколениям ещё не одно столетие.

Выдающийся классик, основоположник азербайджанской реалистической поэзии Нового периода **Молла Панах Мехтиага оглу Вагиф**, вошедший в историю классической литературы как один из ярких лириков, принадлежащий к поэтической школе Физули, занимает достойное место на поэтическом небосклоне.

Долгие годы Молла Панах Вагиф с преданностью служил Карабахскому ханскому двору в качестве визиря и всячески способствовал налаживанию добрососедских отношений не только с азербайджанскими ханствами и Грузией, но и с Россией.

Молла Панах Вагиф снискал известность и славу в азербайджанской поэзии, прежде всего как певец земной любви, красоты и родной природы. Тема любви в восточной поэзии на протяжении долгих веков разрабатывалась исходя из принципов «идеальной эстетики» и она чутко реагировала на религиозно-философские течения. Поэты придавали понятию любви сакраментальный смысл и представляли её в абстрактно-мистических тонах. Любовь носила философское содержание и даже в образцах литературы, повествующих о реальной земной любви, движение авторской мысли непременно приводило к традиционному обожествлению этого чувства. Но Вагиф, как художник-мыслитель, отделил любовь от реквизита философских приложений, сверхъестественных атрибутов, подошёл к этому явлению как к живому движению и состоянию человеческой души. Образно говоря, Вагиф в своих гошма и газелях спустил любовь с небесных высот на землю и материализовал её:

*Если будет живописец рисовать её портрет, –
Я хочу стать тонкой кистью, чтоб коснуться нежных щёк.
Будто облако восхода на челе её горит –
Лебедь белая, не бойся, насмерть ранен злой стрелок.
Ты меня околдовала – стал я пленником твоим,
Без тебя, как месяц в небе, я блуждаю одинок.
Я Вагиф, мне нет спасенья, гибель родинки сулят...
Ради ямочки на щёчке мукам я себя обрёл.*

Перевод Татьяны Стрешневой

Его лирика, посвящённая земной любви, отличается от классических любовных медитаций, как по осмыслению, так и по образному ряду и средствам изображения. В его гимнах любви отчётливо предстают реальные, естественные краски и детали, большое место уделяется живописанию образа возлюбленной, воспеванию её красоты. Его поэтические портреты зримы, конкретны, наглядны; красавицы, вдохновлявшие его лиру – это дочери родной земли, повседневно окружающие его женщины:

*Подобна луку бровь твоя, щека смугла.
Сияют дивной глубиной твои глаза.
Мне стрелы загнутых ресниц терзают грудь...
Слегка подведены сурьмой твои глаза.*

Перевод Татьяны Стрешневой

В своих стихах Вагиф не жалеет ярких поэтических красок, описывая красоту родной карабахской земли и свою безмерную любовь к ней. Поэтическая ткань стихотворений, воспевающих родную природу, поражает своими богатыми, выразительными художественными средствами. Внутренние рифмы, усиливающие повторы,

смелые метафоры, создают впечатление музыкально-словесного фейерверка самыми многогранными, отточенными, разнообразными природными красками и оттенками.

Одна из основных заслуг Вагифа в истории азербайджанской литературы состоит не в проблесках реалистического художественного зрения, а именно в коренном и принципиальном обновлении художественно-языкового мышления. Несомненно, он поднял азербайджанский литературный язык на новую недостижимую высоту, обогатив его прекрасными искромётными красками народной разговорной речи. Его открытиями в области поэтического языка по сей день пользуются все азербайджанские поэты.

Большинство стихов Вагифа отличаются простотой изложения, но сколь завораживающая, сколь магически притягательная «непростая простота». В этом таинство таланта, мощь искусства поэта, чутко улавливающего всю музыку, гармонию и смысловые оттенки родной речи. Справедливо мнение академика И.Габиббейли «...М.П.Вагиф является основоположником нового этапа в развитии азербайджанской поэзии – окончательного перехода от романтического стиха к реалистической поэзии».

Иногда самые обычные обиходные слова и изречения в стихах Вагифа обретают особую эмоциональную энергию, выстраиваясь в художественный образ, изумляя чарами волшебной, прозрачной простоты. Такая кристальная ясность отличает и стихи поэта, написанные в классическом жанре: газели, мустазеды, мухаммасы, мушайре и др. В этих произведениях явно прослеживается непосредственное влияние великого устада Мухаммеда Физули.

Тем не менее, Вагиф именно в силлабическом стихосложении достиг непревзойдённой поэтической высоты, связанной с языковым мышлением, ибо силлабика («хеджа») предоставляла более широкие возможности для создания новых поэтических образов, питающихся стихией народной разговорной речи.

В азербайджанской классической поэзии Вагиф является одним из бесспорных могучих художников, который открыл и использовал всю многоцветную палитру народного языка. Мастер придал поэтическому слову живую свежесть и прелесть, тем самым обогатив азербайджанский поэтический словарь новыми, невиданными изречениями и образными словами.

Если в XVI веке Физули, по мере возможности той эпохи, азербайджанский литературный язык очистил от сложных персидских и арабских поэтических силлогизмов, помпезных, надуманных художественных средств и воображаемых поэтических фигур, то поэзия Вагифа в конце XVIII столетия ознаменовала начало совершенно нового этапа в азербайджанской литературе. В его творчестве азербайджанский литературный язык приобрёл свою новую реально-земную изобразительную форму, полностью освободился от многовековых поэтических догм, заменив веками истёртые шаблонные фигуры и метафоры на эквивалентные краски и образы, проистекающие из родникового кладезя народной лексики, отражающие реальную картину повседневной жизни. И тем самым, зародилась новая поэтическая школа или подшкола Вагифа в азербайджанской литературе, отвечающая всем каноническим требованиям и сыграла в дальнейшем неоценимую роль в развитии национального поэтического языка в произведениях поэтов последующих поколений, вплоть до наших дней.

Талантливый автор синтеза глубинно-лирических и мудрых религиозно-философских стихов в азербайджанской поэзии XIX столетия **Сеид Абульгасым Мохтарам оглу Набати**, родившийся в Ушдибине Гараджадагской области Южного Азербайджана, в семье религиозного деятеля, также является ярким представителем поэтической школы Мухаммеда Физули. Он получил всестороннее духовное образование, освоил арабский и персидский языки, писал стихи на тюркском и персидском. К сожалению, из его богатого творческого наследия дошёл до нас единственный сборник стихов, состоявший из 7500 строк на тюркском и персидском язы-

ках. Ещё известны его два сказания: «Набати» и «Ханчобан», в которых отражается его жизненный путь и философско-эстетические взгляды. Он был прекрасным оратором, считался искусным чтецом классической восточной поэзии. Его лирические и религиозно-философские стихи являются синтезом письменной классической поэзии и устно-поэтического творчества – ашугской поэзии. В стихах поэта сочетаются многообразные литературные, религиозные, географические реалии, приметы Востока и Запада, Ирана и Турана, арабского, персидского и тюркского миров. Именно Набати в XIX веке взял на себя миссию наследника религиозно-этических ценностей, которую выполняли на Востоке его гениальные предшественники в средние века: Ахмед Ясеви (1093-1166), Шамси Тебризи (1185-1248), Джалаладдин Руми (1207-1273), Юнис Эмре (1240-1321), Имадеддин Насими, Шах Исмаил Хатаи.

Его стихи написаны в различных жанрах: газель, касыда, сагинаме, тахмис, рубаи, мустазад, чарпаре, теджнис, гошма. Основные просодии – силлабика и аруз; темы и мотивы – любовь, герои – влюблённый и возлюбленная; заветное чаяние и цель лирического героя – достижение божественных высот в любви, познание абсолютной красоты. Естественная, земная красавица – первая веха в этом движении, «абсолютная красота» – вершинная точка. И первый шаг, первооткрытие – всегда живая, реальная избранница сердца. Но вместе с тем Набати не удовлетворяют ни один из существующих культов, ни одна вера и тарикат, и поэтом философия его поэзии выражает не гармонию, а кризис, диссонанс, дух отрицания. Обратимся к художественному переводу газели Набати «Ты мой ангел»:

*Утром, пьяный и беспечный, я бродил у кабака,
И нежданно я заметил дивный лик издалека.
Вились кудри повителью, бусы солнечно алели,
И глаза её блестили из-под красного платка.
Ты мой ангел безобманный, я тебе не знаю равной,
Мой цветок благоуханный, словно сахар, ты сладка.
Не встречал такой ни разу, ты стройна и кареглаза,
Вся исполнена соблазна, ты и радость, и тоска.
И упал я опьянённый, светлым жаром опалённый.
Понял, разума лишённый, – жизнь мне стала не легка.*

Перевод Татьяны Стрешневой

Яркая звезда азербайджанской поэзии XIX века **Хуршидбану Натаван** родилась в легендарном городе Шуше, в семье последнего Карабахского правителя, генерал-майора Мехтигулу-хана. Получила домашнее образование, в совершенстве знала тюркский, арабский, персидский языки, была знакома и с французским. Она глубоко и основательно изучала восточную литературу, играла на народных музыкальных инструментах, увлекалась рисованием, рукоделием, писала стихи в жанре газели. Вышла замуж за генерал-майора Хасай-хана Уцмиева. В 1858 году в Баку при встрече с Александром Дюма-отцом она подарила ему одну из изящных своих ручных работ – вышивку. Они «сразились» за шахматной доской, великий французский писатель проиграл поединок. Восторженный Александр Дюма подарил ей шахматную доску с фигурами из слоновой кости – одну из самых своих любимых вещей, с которой раньше никогда не расставался.

Поэтический псевдоним «Натаван», на фарси означает «слабый», «бессильный», «беспомощный». На протяжении всей жизни судьба подвергала поэтессу суровым испытаниям, в 1885 году внезапная болезнь и уход из жизни горячо любимого сына Мир-Аббаса стал для нее тяжёлым ударом. Материнской печалью и чувством безысходности перед смертью пронизана ткань газели поэтессы «Не уходи»:

*Превратив в руины сердце, так не в срок, не уходи.
Тяжела с тобой разлука, путь далёк, не уходи!
Не могу с тобой расстаться, жертвой стать твоей вели.
Стан мой сгорбила разлука, видит бог, не уходи!*

Перевод Татьяны Стрешневой

Потеряв любимого сына, Натаван оплакивает в стихах всю боль материнского сердца, сетует на судьбу, на немилосердное время, на роковые невзгоды. Она вознесла священную материнскую любовь до уровня поэтических преданий о любви, при этом вовлекала в свои печальные исповеди образы, метафоры, символику классической любовной лирики.

Но сколь бы глубока ни была эта печаль она не могла взять верх над жизненным, стихией живого бытия, ощущением величия и красоты природы, самого человека. В её лирике, несущей отпечаток материнской грусти, слышны и социальные мотивы, и любовь к жизни, и мечты о счастье.

Тонкость чувств в сочетании с благородным аристократизмом присущи поэзии Хуршидбану Натаван. Оригинальная образная палитра и многообразная ритмическая аранжировка, прозрачно чистый поэтический язык, искусный художественный арсенал – все эти достоинства обусловили то, что её творчество и в поэтическом отношении стало знаменательным явлением в истории азербайджанской классической литературы и обогатило сокровищницу газельного жанра поэтической школы Мухаммеда Физули.

Творческий путь уроженца древнего азербайджанского города Шамахи, выдающегося сатирика и мастера лирических газелей **Сеида Азима Ширвани** начался с 1850-х годов и привлекает внимание своей удивительной полифонией: он писал стихи и в традиционном романтическо-лирическом ключе, и в стиле реалистической сатиры и юмора, и во многих формах и жанрах классической поэзии – газели, рубаи, месневи, кыты, теркиббенды, мухаммасы, мусаддасы, мустазады. Его перу также принадлежат учебники, литературоведческие работы, огромный составительский труд «Тезкире» – сборник с биографическими справками авторов и поэтическими образцами из творческого наследия азербайджанских классиков. Характерный мотив его просветительских стихотворений – призыв к обновлению жизни, освоению достижений мировой цивилизации и скорейшему избавлению от суеверия, предрассудков, обветшалых канонов в общественной жизни. Он был против схоластики и косности в науке и образовании. Идеи гуманизма и интернационализма, восприятие общечеловеческих ценностей приобретали в его поэзии более современное, более масштабное звучание.

Сеид Азим владел в совершенстве арабским и персидским языками, несколькими наречиями языков дагестанских народов, знал наизусть Коран. Для завершения духовного образования он отправился на Ближний Восток, учился в Багдаде, Каире, Дамаске, посетил святыни мусульманского мира Мекки и Медины, побывал в Алеппо, Исфахане, Тебризе, Ардебиле, ближе познакомился с духовно-культурной жизнью и видными учёными и поэтами крупных центров Ближнего и Среднего Востока. В Дамаске (1860) получил высокий духовный сан ахунда. Однако, когда он вернулся на родину, со временем интерес к общественным проблемам, тяга к научным знаниям остудили его тягу к служению религии, он всё больше и больше проникнулся желанием посвятить себя творчеству и просвещению народа, пропаганде науки и знаний. Он решает отказаться от духовного звания, чем вызывал особое недовольство и ярое враждебное отношение со стороны местного духовенства.

Сеид Азим Ширвани долгие годы возглавлял в Шамахе поэтическое собрание «Бейтус-Сафа» («Дом чистых»), сгруппировав вокруг себя прогрессивную интелли-

генцию города. Он поддерживал связи и с аналогичными поэтическими «меджлисами», функционирующими в Баку, Шуше, Губе, Ордубаде, в которые входили видные поэты Азербайджана второй половины XIX века. Они участвовали в традиционных поэтических состязаниях, вели переписку между собой на разные литературные темы, наставляли, советовали друг другу, обменивались поэтическими опытами и т.д. Эти поэтические «меджлисы» в Азербайджане играли роль, сходную с литературно-философскими салонами, во Франции в конце XVIII века или в России в начале XIX века В Шуше подобным собранием, носившем название «Меджлис-унс» («Собрание друзей»), руководила знаменитая поэтесса Хуршидбану Натаван.

В 1869 году Сеид Азим открыл в родном городе Шамаха школу нового типа, и до конца жизни руководил ею, где преподавали азербайджанский, персидский и русский языки, историю, географию, математику. Здесь подготавливали детей к дальнейшему начальному образованию в городской школе.

В любовно-лирических газелях С.А.Ширвани продолжил, несомненно, традиции Мухаммеда Физули. Но, его лирический герой отличается от своего предтечи – он реалистичнее и является живым носителем земной любви. Любовная формула поэта звучит чётче, воспринимается как каноническое кредо: любовь очищает человека, делает его краше, направляет на путь доброты, благородства и поднимает его на новый уровень духовного роста. Человеческая жизнь без любви не отличается от жизни камня. Такие сравнения придают газелям Ширвани особую грациозность и лиричность. Во всех лирических стихах поэта внешняя и внутренняя красота героев преподносится в тесном, неразрывном единстве. Истинная любовь – беспощадный враг печали, она оберегает человека от уныния, дает силы перебороть все трудности и совершать подвиги во имя любви. Любовь окрыляет, жизнь становится ярче, духовно насыщенной и богатой, «если рядом есть верная, цветущая любимая, то влюблённого не потянет в рай».

Наряду со знанием персидского и арабского языков, творчества восточных поэтов, С.А.Ширвани живо интересовался европейской и русской литературой, знакомился с произведениями А.С.Пушкина (1799-1837), Н.А.Некрасова (1821-1878) и других известных русских авторов. Поэт усердно изучал русский язык, стал свободно читать, писать, достаточно хорошо говорил на этом языке.

При жизни Сеид Азим Ширвани так и не удалось увидеть ни одну свою изданную книгу. Первая книга поэта, подготовленная его сыном Мирджафаром Сеидзаде под названием «Сборник» увидела свет лишь в 1895 году в Тбилиси на деньги бакинского нефтяного миллионера-мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева (25.01.1823-01.09.1924). Затем были и другие издания в Тебризе (1895, 1897, 1912), Баку (1902, 1930, 1937, 1950-1953, 1960-1963), но самым фундаментальным, полным и с точки зрения текстологии, выверенным изданием является трёхтомник, выпущенный издательством Академии наук Азербайджанской ССР в Баку.

Вся поэзия Сеид Азима Ширвани, одухотворённая и проникнутая высокими мыслями, в целом посвящена служению демократическим, просветительским идеалам общества и, не теряя своей актуальности, новизны, современности, и по сей день любима читателями.

В XX веке самыми яркими представителями жанра газель в азербайджанской поэзии являлись Алиага Вахид (1895-1965), Мухаммедгусейн Шахрияр (1905-1988) и Сулейман Рустам (1906-1989). По количеству написанных газелей, и по художественной ценности среди них, безусловно, лидирует **Алиага Вахид**, чьи газели отличаются глубинным философским содержанием, простотой и народностью поэтического языка и лирических образов. В его газелях употребление арабских и персидских слов сведено до минимума.

Как известно, в начале XX века в Баку произошёл нефтяной бум, и начали бурно развиваться многие отрасли промышленности. Не только общая экономиче-

ская картина города, но и общественно-политическая жизнь горожан стремительно подверглись коренным изменениям. В этот период в городе появилось множество образовательных учреждений, издавались новые газеты и журналы, организовывались разные литературные меджлисы и кружки. Литературный кружок бакинских поэтов «Маджмуею-уш-шуара» («Собрание поэтов») объединил вокруг себя немало талантливых творцов поэзии той эпохи: Мирза Абдулхалыг Юсиф (1851-1924), Абдулхалыг Джаннати (1855-1931), Машади Азер Бузовналы (1870-1951), Самед Мансур (1879-1927) и др. Молодой Алиага с 1911 года стал регулярно посещать поэтический меджлис «Маджмуею-уш-шуара» («Собрание поэтов») и прилежно осваивать секреты классической поэзии. Его первые поэтические опыты начали появляться в периодической печати с 1914 года под творческим влиянием опытных членов кружка Машади Азера Бузовналы и Мирзы Абдулхалыга Юсифа, который и нарёк молодого Алиагу «Вахидом», закрепив этот псевдоним за молодым поэтом, хотя тот не раз по тем или иным причинам использовал и к другие вымышленные псевдонимы. Но, в азербайджанской поэзии за ним закрепился именно этот псевдоним Вахид («один, единственный, цельный»). Первое стихотворение Алиаги Вахида вышло в газете «Игбал» («Судьба») 4 мая 1914 года. Затем его сатирические произведения – стихи, стихотворные фельетоны появлялись на страницах разных газет и журналов: «Дирилик» («Оживление»), «Бабайи-Эмир», «Тути» («Попугай»), «Басират» («Прозорливость»), «Мезели» («Забавный») и др.

В раннем периоде своего творчества Алиага Вахид создал немало сатирических произведений, в которых критиковал социальные недостатки в обществе, суеверия и предрассудки, тиранию и несправедливость. В 1916 году эти стихи и три стихотворных рассказа для детей – «Рассказ о молле и быке», «Назидание», «Адам и Ева» вошли в его первую книгу «Результат алчности», вышедшую в «Издательство Гуламовых» в Баку.

В сатирических произведениях Алиага Вахид с первых поэтических опытов и до конца жизни придерживался традиций великого сатирика Мирзы Алекбера Сабира (1862-1911) и был его неизменным, верным последователем.

С 1920-х годов поэт активно сотрудничал с редакцией газеты «Коммунист», сатирическим журналом «Молла Насреддин» и служил в театре «Критика-пропаганда» в качестве экспромт-куплетиста. Он работал в издательстве «Азернешр» корректором, в газете «Коммунист» литературным сотрудником.

Многочисленные экспромты-куплеты и «мейханы» (в стиле народного стиха, созданные экспромтом, на разных торжествах или в кабаках; иначе, стихи для «питейного дома») были изданы в 1925 году отдельной книгой под названием «Мейханы Вахида».

Вахид является основоположником нового жанра в азербайджанской поэзии – газель-мейхана. До него в этом жанре так не писал никто.

Многие современники поэта вспоминали, что Вахид был очень остёр на язык, молниеносно реагировал на поэтические реплики поэтов-участников стихотворных состязаний-экспромтов и, подхватывая рифмы коллег, в считанные минуты сочинял совершенно оригинальные газели-мейханы под ритмы определённых мелодий.

Позднее, под влиянием произведений великих азербайджанских поэтов – мастеров жанра газели Мухаммеда Физули и Сеида Азима Ширвани, Алиага Вахид начал писать полноценные, любовно-лирические газели, которые приобрели в народе такую популярность, что его прозвали «Газельханом» («мастером, ханом газели»). В одной газели сам поэт с лёгкой иронией, но вполне уверенно объявляет себя продолжателем, «памятью великого Физули».

В газелях Алиаги Вахида вдохновенно воспевается реально-земная человеческая любовь. В популярности его газелей, безусловно играет немаловажную роль их тематическая линия: описание несчастной и счастливой любви. Эти мотивы нередко

переплетаются в газелях поэта, выражая внутренние перипетии любовного чувства, создаёт яркое впечатление, сентиментальную ауру, запоминающуюся коллизию и способствуют популяризации его поэтических текстов среди народа.

Тут уместно вспомнить одну достоверную историю, связанную с народной популярностью и славой Вахида. Как известно, в 1924-1925 годы великий русский лирик Сергей Есенин (1895-1925) с небольшими перерывами бывал в Баку и в 1924 году в одном из бакинских кабаков случайно познакомился с Алиагой Вахидом. Знакомство двух больших поэтов в дальнейшем перешло в крепкую дружбу.

Этот факт получил отражение в документальной повести «Балаханский май» фронтовика, писателя-публициста Гусейна Наджафова (1921-1989):

«– Я не знаю вашего языка, – торопливо заговорил Есенин, – но я тоже поэт, я понимаю, чувствую ритмику стиха. Вот слушал ваши газели, – они прекрасны своей напевностью, их можно петь, да, да, петь без музыки, без оркестра. О чём они?

– Ай, дорогой! Поэт о чём должен писать? О жизни, о любви, о смерти.

– Да, да, о жизни, о любви, о смерти, – закивал Есенин».

Алиага Вахид при жизни достаточно часто публиковался. Периодические издания его произведений печатали охотно, издательства выпускали книги большими тиражами: «Моллахана» (1938), «Газели» (1939), «Боевые газели» (1942), «Газели» (1944), «Газели» (1954; 1956; 1961; 1964). Большинство сочинений поэта были включены в объёмный двухтомник, выпущенный в 1975 году издательством «Азернешр». Данное издание было подготовлено ближе к академическим требованиям и по сей день считается самым полным и филологически выверенным собранием поэтического наследия великого мастера современного азербайджанского жанра газели Алиаги Вахида. На базе этих изданий в период независимости было выпущено полное собрание сочинений поэта на латинском алфавите в двух томах. Кабинет Министров Азербайджанской Республики 7 мая 2019 года своим Решением № 211 Алиагу Вахида включил в список авторов произведений, объявленных государственным достоянием в Азербайджанской Республике.

Как отмечалось, наряду с Алиагой Вахидом в жанре газель плодотворно творили такие азербайджанские поэты, как **Сулейман Рустам** в Северном Азербайджане и **Мухаммедгусейн Шахрияр** в Южном Азербайджане. В 1828 году по договорённости между двумя империями – России и Персии – Азербайджан был разделён на две части. Границей стала река Аракс (Араз). Несомненно, оторванность друг от друга северной и южной азербайджанской литературной среды отрицательно влияла на общий ход развития в целом азербайджанской литературы.

В лирике и Сулеймана Рустама, и Мухаммедгусейна Шахрияра, наряду с любовно-лирической тематикой, в достаточно широком спектре разработана тема разделённости Азербайджана. Во многих поэтических строках С.Рустама отражена народная боль, но поэт на будущее смотрит с уверенностью и оптимизмом:

*У каждого сердце одно, а мне подарено вдвое:
Два сердца стучат в груди, и каждое сердце – живое!
Я знаю: настанет срок – и дружно они забудутся,
Два сердца моих в одно на веки веков сольются.*

Перевод Павла Антокольского

Тема разделённой Родины в произведениях Сулеймана Рустама не проходящая, не случайная, она присутствует и попеременно, и по отдельности во многих его газелях:

*Любовью к Родине полна, огнём горит моя душа,
Я жизнь за Родину отдам! – так говорит моя душа.
Ничто из памяти моей любимый образ не сотрёт,
Уйди, разлука, с глаз долой, уйди! – твердит моя душа.
И ты, любимая моя, не забывай о светлых днях, –
Пусть их душа твоя хранит, как их хранит моя душа...*

Перевод Бронислава Кежуна

Мухаммедгусейн Шахрияр оставил два поэтических сборника газелей – на персидском и азербайджанском языках. В эти «Диваны» вошли любовно-лирические и общественно-политические газели поэта. Тема патриотизма и разделённости Азербайджана в газелях М.Шахрияра окрашена политической палитрой и часто доходит до отчаянного призыва к свободе, к объединению разделенного народа:

*... Övladların nə vaxtadək tərki-vətən olacaqdır?
Əl-ələ ver, üsyan elə, oyan, oyan, Azərbaycan!
Bəsdir fəraq odlarından kül ələndi başımıza,
Dur ayağa! Ya azad ol, ya tamam yan, Azərbaycan!
Şəhriyarın ürəyi də səninkitək yaralıdır,
Azadlıqdır mənə məlhəm, sənə dərman, Azərbaycan!*

*...До каких пор сыны твои по чужбинам разбросаны будут?
Держись рука за руку, сражайся, проснись, проснись, Азербайджан!
Хватит, от костров разлуки на наши головы пепел сыпется,
Вставай! Или освободись, или сгори дотла, Азербайджан!
И сердце Шахрияра раненое, как у тебя,
Свобода для меня бальзам, для тебя – лекарство, Азербайджан!*

Подстрочный перевод автора статьи

Надо отметить, что газели, окрашенные общественно политическими мотивами, являлись в азербайджанской поэзии XX века новой формой этого классического жанра. Именно Мухаммедгусейн Шахрияр и Сулейман Рустам являются создателями этой поэтической новизны.

Мы вкратце изложили, какую идейно-поэтическую цель ставили перед собой азербайджанские поэты – последователи Физули, и как они шли к ней. Как в последующие века после Физули развивалась любовная лирика в азербайджанской литературе.

Научная новизна исследования заключается в выявлении особенности применения художественных приёмов Мухаммеда Физули. Наглядно показано, как газели Физули влияли на дальнейшее развитие этого жанра в азербайджанской поэзии.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении богатого творчества великого Мухаммеда Физули в контексте ближневосточной поэзии и его влияние на своих многочисленных последователей.